

УДК 82-312.9

ФОРМИРОВАНИЕ ОБОСОБЛЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ НА ПОГРАНИЧЬЕ В ЖЕНСКОМ ФЭНТЕЗИ

Ламм М.А.

Пограничье – одна из важнейших романтических категорий, широко используемых в жанре фэнтези. В статье рассматриваются три фантастические трилогии, где изолированные поселения на пограничье являются важным фактором для развития сюжета. Женское фэнтези – жанр традиционно довольно мягкий, где основное развитие конфликта происходит на эмоциональном уровне, в рассматриваемых книгах основу конфликта составляет взаимопроникновение чуждых друг другу мировоззрений. Исследована логика центрально-периферийных отношений в фантастических мирах и основные эмоциональные коннотации в отношении изолированных сообществ. В книгах американской, австралийской и белорусской писательниц можно видеть сходные приемы изображения изолированных поселений, что свидетельствует о наличии универсалии. В качестве мифологической основы предложен миф Фронттира в его осмыслении американскими и российскими исследователями.

Ключевые слова: Ольга Громько, Мерседес Лэки, Труды Канаван, Фронтир, диаспора, пограничье, женское фэнтези, центрально-периферийные отношения.

FORMATION OF ISOLATED PUBLIC FORMATIONS ON THE BORDER IN WOMEN'S FANTASY

Lamm M.A.

The Frontier is one of the most important romantic categories widely used in the fantasy genre. The article examines three fantasy fiction trilogies, where isolated settlements on the borderlands are an important factor in the development of the plot. Women's fantasy is a traditionally rather soft genre where the main development of the conflict occurs on the emotional level; in the books featured in the article the

basis of the conflict is the interpenetration of worldviews alien to each other. The logic of centre-periphery relations in fantasy worlds and the basic emotional connotations in relation to isolated communities are explored. In the books of the American, Australian and Belarusian writers there are similar techniques for depicting isolated settlements, which indicates the presence of universality. The myth of the Frontier as interpreted by American and Russian researchers is proposed as a mythological basis.

Keywords: Olga Gromyko, Mercedes Lackey, Trudi Canavan, Frontier, diaspora, borderland, women's fantasy, centre-periphery relations.

Образование замкнутых сообществ – один из наиболее распространенных приемов в жанре фэнтези. Примеры подобных поселений есть в романах Дж.Р. Толкина, Р. Желязны, У. Ле Гуин, С. Лукьяненко, А. Пехова и многих других. Введение в художественное пространство романа изолированного сообщества является сюжетным ходом, цель которого – подчеркнуть инаковость его обитателей. Структурно такой прием восходит к жанру волшебной сказки, где тридевятое царство «"тридесятое" или "иное" или "небывалое" государство» [10, с. 203] воплощало идеальный мир. Вместе с тем подобные сообщества основываются на реалиях сегодняшнего дня и национальных мифах. В первую очередь это миф Фронттира, т.е. свободной земли и пространства возможностей [см.: 11]. Влияние этой концепции особенно заметно в творчестве американских писателей [17, р. 84-92]. Кроме того, сходные сюжетные ходы характерны для фантастических романов о затерянных мирах [6, с. 48-51]. В жанре фэнтези изолированные сообщества не всегда оказываются в центре сюжета, но, как правило, оказывают заметное влияние на развитие действия.

Предметом исследования являются изолированные поселения в художественной литературе. Для анализа выбраны три структурно тождественные трилогии авторов из разных стран, написанные в жанре, который можно условно обозначить как женское фэнтези [19, с. 65-79]. Белорийский цикл (2003-2004) белорусской писательницы Ольги Громыко (род.

1978), цикл «Герольды Валдемара» (1987-1988, на русском языке: 1999-2002) американской писательницы Мерседес Лэки (род. 1950) и трилогия «Шпионы Предателей» (The Traitor Spy Trilogy, 2010-2012) (здесь и далее перевод наш – М.Л.) австралийской писательницы Труды Канаван (род. 1969). Трилогия «Шпионы Предателей» из Киралийского цикла не переведена на русский язык, она была выбрана для исследования по той причине, что именно в ней наиболее подробно раскрывается проблема формирования изолированных общественных образований на пограничье. Эта тема возникает также и в более ранней трилогии «Черный маг» (2001-2003, на русском языке: 2005), но для сюжета менее значима. Объединенные жанром и сюжетом, эти циклы сходны в восприятии пограничья и в стратегиях индивидуально-авторского мифотворчества, т.е. «создания литературной реальности по трафаретам мифосознания» [4, с. 196].

Пограничье предполагает особый тип центрально-периферийных отношений, более явный в случае оформленной границы, менее явный в ситуации Фронтيرا. В.Л. Каганский, рассуждая о центрально-периферийных отношениях в советском и постсоветском обитаемом пространстве, отмечал, что Граница как категория противопоставлена замкнутой и самодостаточной Провинции по признаку открытости [см.: 5]. В.Н. Топоров полагал, что Фронтир предполагает открытость в позитивной реализации, и настороженную враждебность в негативной [12, с. 154-167]. Ф.Дж. Тернер считал изолированные пограничные поселения явным атрибутом Фронтيرا [см.: 11]. В каждом из рассматриваемых циклов есть пример замкнутого пограничного поселения, живущего по своим законам и правилам, самопровозглашенного, признанного или формально входящего в состав более крупного государства. У Мерседес Лэки это община крепковеров, представители которой имеют крайне смутное представление о мире за пределами Усадьбы. У Труды Канаван – женское государство, образовавшееся после войны на границе двух государств. У Ольги Громыко такими поселениями являются вампирские долины. Во всех случаях контакты с посторонними ограничиваются, что в целом имеет условно

положительный эффект для большинства населения, на обеспечение комфорта которого направлены сложившиеся правила. Но при этом в каждой трилогии присутствует ограниченное в правах меньшинство. В книгах Мерседес Лэки и Труди Канаван такая категория жителей не может покинуть поселение. В первом случае – по причине отсутствия минимальных представлений о жизни за пределами замкнутого микромира поселения, во втором – как следствие прямого запрета, наказанием за нарушение которого является казнь. В книгах Ольги Громыко такой проблемы нет: долину вампиров можно по желанию покинуть, именно в ее книгах изолированное поселение на пограничье максимально открыто.

Изолированные сообщества во всех трех фантастических мирах маркированы негативно уже на семантическом уровне: наиболее нейтрально наименование крепковеры, использованное в цикле Мерседес Лэки, однако название и образ жизни этого сообщества сразу же вызывает ассоциации с религиозными фанатиками, т.е. негативные коннотации. Вампиры в книгах Ольги Громыко и предатели в трилогии Труди Канаван – тем более. Вместе с тем именно в наиболее семантически маркированных циклах ситуация оказывается совершенно неоднозначной. Вампиры предстают в ипостаси разумной расы, а предатели – женщинами, которые борются за равноправие. Подобная двойственность отчасти обусловлена жанром. Как отмечает К. Кокорски, «авторы часто создают обстоятельства, при которых якобы более слабые члены общества могут победить потенциально более сильных противников, другими словами, ситуации борьбы Давида против Голиафа. Конечная цель главных героев – свержение старого режима и установление нового, лучшего мирового порядка. Таким образом, эти миры становятся ареной, на которой происходят смертельные битвы между добром и злом» [18, р. 205-218]. Таким образом, наименование сообщества усиливает сюжет, где главный герой противопоставлен злу, подчеркивая, что природа зла не всегда очевидна. О.В. Лекарева, рассуждая на тему эвфемизмов в творчестве О. Громыко, замечает, что «в художественном тексте на первое место выдвигается

не замена неудобного с точки зрения морали словесного выражения, но создание образности» [7, с. 42-47]. Соответственно, негативное маркирование сообществ на семантическом уровне может быть введено в художественный текст с целью вызвать эмоциональную реакцию.

Разрыв между негативной семантикой в наименовании сообщества и его сущностью наиболее ярок в книгах Труды Канаван и Ольги Громыко. Применительно к творчеству О. Громыко подобное расхождение реальности и семантики можно объяснить использованием пародии [1, с. 29-38], но драматический пафос книг Т. Канаван подталкивает к поиску более глубоко объяснения. Вероятно, такая ситуация связана с попыткой переосмысления мира, возникшего в новых условиях. Эти два цикла написаны в начале XXI в. После завершения «холодной войны» и, как следствие, открытия границ, а также развития средств массовой коммуникации, что существенно расширило контакты на повседневном уровне. Трилогия Мерседес Лэки, созданная в 1987-1988 гг., написана автором, который еще не столкнулся с эпохой информационного взрыва, однако перевод трилогии на русский язык вышел в свет в 1999-2002 гг. (почти одновременно с трилогией Ольги Громыко и первой из трилогий Труды Канаван), что свидетельствует об актуальности темы.

Пограничье или Фронтир практически всегда предполагает как минимум ослабление отношений, а чаще – конфронтацию между центром и периферией. На семантическом уровне названия изолированных сообществ указывают на чуждость обитателей пограничья, а враждебность уже является следствием чуждости. В цикле Ольги Громыко вампиры и юмористическое осмысление антивампирических стереотипов – одна из важнейших тем трилогии. Вампирами называют любую нечисть, при этом отличить настоящего вампира от человека довольно сложно, тем более, что вампиры прибегают к маскировке, используя накладные усы и бороды: «интересно, какой процент непотребно заросших мужчин в плащах, околачивающихся на постоянных дворах Стармина, только маскируется под людей? Берегитесь, граждане, они среди нас... Чего нельзя сказать о нас среди них» [2, с. 74].

В цикле Труды Канаван натянутость центрально-периферийных отношений также выражена на семантическом уровне: расположенное на территории королевства Сачака непризнанное образование носит название государства Предателей. Это наименование восходит к гендерным противоречиям: «мы были названы в честь сачаканской принцессы, которую отец убил за то, что ее изнасиловал один из его союзников. Он назвал ее предательницей, и женщины того времени стали называть себя так же из солидарности» [15, р. 215]. Основанное женщинами, которые в пределах королевства поражены в правах и не имеют права учиться магии, королевство Предателей ориентировалось на создание безопасного убежища для женщин и возможностей обучения магии. Вместе с тем мужчины в нем оказались пораженным в правах меньшинством: независимо от желаний или предрасположенности, они могут быть ремесленниками, но не магами и лишены возможности занимать государственные должности. Как и в трилогии Громыко, предатели из цикла Труды Канаван в случае необходимости маскируются под обывателей Сачаки, в то время как скрытно проникнуть в их изолированное общество практически невозможно.

В двух рассмотренных циклах непримиримые противоречия центрально-периферийных отношений приводят к вооруженному конфликту. В цикле Ольги Громыко войну против вампиров начали люди, люди же ее и прекратили, сперва практически уничтожив вампиров, причем призрак новой войны нависает над долинами: «люди же достанут нас повсюду. Ни одна из двенадцати Долин не устоит перед ордой вооруженных фанатиков. Речь идет даже не о войне. На войне берут пленных и щадят детей. А мы не нужны людям даже в качестве рабов. Грядет повальная резня» [2, с. 45]. Фанатизм формируется на уровне – негативных стереотипов, которых придерживается большинство человеческого населения: как обыватели, так и многие образованные маги. В трилогии Труды Канаван войну против угнетателей начали женщины, заручившиеся повсеместной поддержкой рабов, фактически распространив идеалы, возникшие ввремя формирования королевства: «Мы –

народ, известный как Предатели [...] Несколько сотен лет назад, после завоевания Сачаки киралийцами, свободные женщины присоединились к рабыням и бежали в отдаленное и скрытое место. Там они построили дом, где нет рабов и все равны» [15, р. 185]. Соответственно, причиной центрально-периферийного конфликта и последующей изоляции сообщества в этих двух трилогиях послужило нежелание большинства принять факт существования другого и страха перед чуждым. Причем если в сюжете Труды Канаван реформы означали бы также смену элиты и перераспределение материальных благ – доступ женщин к собственности, всех – к образованию и т.д., то в трилогии Ольги Громько ближайшей аналогией являются религиозные войны, где очевидного материального приобретения нет ни для одной из сторон.

В цикле Мерседес Лэки центрально-периферийные отношения остаются натянутыми, но источник напряженности внутренний, а не внешний. Два поколения назад крепковеры бежали в Валдемар от религиозных гонений, т.е. причиной изоляции сообщества в данном случае является память о центрально-периферийном конфликте. Члены сообщества подчеркивают свою инаковость одеждой определенного покроя и строгим соблюдением обычаев предков. Однако, поскольку они переселились на условиях соблюдения внутренних законов королевства, появляется возможность своевременно сгладить противоречия. Королева «провела через Совет закон, по которому Герольды должны всегда и везде иметь возможность свободно разговаривать с детьми, дабы они могли убедиться, что дети во всех концах Валдемара получают надлежащее образование в части наших законов, истории и традиций. Герольды, обладающие Даром чтения мыслей, приезжают сейчас прямо в усадьбы крепковеров. Каждый, кто готов пожертвовать семейными узами и положением, как когда-то я, волен уехать с ними, и Герольды следят за тем, чтобы такие отщепенцы и изгои это знали. Меня поразило то, как редко крепковеры возражали против выполнения нового закона после того, как улеглось первоначальное негодование. Полагаю, Старейшины Усадеб только рады избавиться от потенциальных смутьянов» [9, с. 145]. Предпосылок к

вооруженному конфликту не возникает. По тому же пути пошла одна из вампирских долин в период полной изоляции: смутьяны могут уехать, но возвращение сопряжено с большими трудностями.

Во всех трех случаях при выходе из общины герой формально теряет больше, чем приобретает. Покидая вампирскую долину, персонаж цикла Ольги Громыко оказывается среди враждебно настроенного мира, где он вынужден скрывать свою расовую принадлежность, фактически теряет право на справедливый суд, а также лишается возможности воскрешения в случае внезапной смерти. В цикле Мерседес Лэки крепковеры, покинувшие дом, не могут вернуться обратно: семья отрекается от них, при этом внешний мир довольно доброжелателен, но большинство членов сообщества об этом не знают. У Труди Канаван, если персонаж вопреки запрету покинет замкнутый мир безопасного изолированного государства Предателей, то станет рабом. Об этом известно всем, а потому пораженные в правах персонажи принимают сложившуюся ситуацию. Стоит отметить, что такая ситуация типична для американского литературного Фронтиса с последней трети XX в. – введение голосов меньшинств, преимущественно коренных американцев, направлено на выражение ритуального сожаления [14, р. 303-322], но структура мифа остается неизменной.

Поскольку вампирские долины являются официально признанными государствами, то применительно к циклу Ольги Громыко рассуждать о центрально-периферийных отношениях можно лишь с оговорками. Тем не менее, научным и политическим центром цивилизации является человеческий город Стармин, где располагается магическая школа. Возможно, альтернативным центром мог бы быть эльфийский Ясневый град, но в произведениях автора он только упоминается. Вампиры живут обособленной сельской жизнью, магов у них нет, хотя в силу расовых способностей есть возможность использовать магические средства связи, но не производить или ремонтировать их. В этом случае технологический кризис обусловлен объективными причинами: необходимы маги, а таких специалистов у вампиров

нет и, в силу сложившихся суеверий, отсутствуют приглашенные специалисты: «ты думаешь, кто-нибудь из людей согласится жить и работать в Догеве?» [2, с. 155]. Однако в случае необходимости вампиры нанимают магов для решения разовых проблем, подобное взаимодействие лежит в основе сюжета трилогии.

В цикле Мерседес Лэки изоляция является сознательным выбором общины, следствием внутренних стереотипов и желания сохранить обычаи предков в неизменном виде. Крепковеры «не верят в помощь Целителей, поэтому зачастую даже несерьезные травмы и болезни заканчиваются смертью» [9, с. 144], кроме того, они «никогда ничего не покупают, если могут этого избежать, об их скупости ходят легенды» [9, с. 215]. Иными словами, контакты с внешним миром сведены к минимуму, а с представителями центральной власти взаимодействуют только старейшины и лишь в случае необходимости [8, с. 85]. Нежелание интегрироваться в жизнь страны и налаживать взаимодействие с центром создает множество дополнительных социальных барьеров внутри сообщества.

Изоляция также послужила причиной отсутствия медицинских знаний в королевстве Предателей в книгах Труди Канаван. Жители развивают собственную магическую науку и создают неизвестные прочим технологии, которыми в свою очередь не желают делиться, в то время как взаимовыгодный обмен в целом был бы возможен. Такая ситуация становится причиной конфликта. Герой, оказавшейся в королевстве Предателей, владеет базовыми навыками исцеления. Одна из героинь силой читает его память и получает знания, которые по законам сообщества могли быть переданы лишь добровольно. Такое поведение порицается: «это не только преступление одного человека против другого. Это противоправное действие одной нации против другой. Калия не только украли знания у Лоркина; Предатели украли секреты Киралии и ее союзников – стран, что лежат прямо за горами. Стран, с которыми мы не враждуем, хотя они вправе считать нас врагами после того, как мы обошлись с Лоркиным. [...] В качестве компенсации за оскорбления, которым он подвергся [...] и за похищенные секреты, Лоркин должен быть обучен

искусству изготовления камня» [16, р. 287]. По итогам разбирательства персонаж получает местную секретную технологию.

Во всех трех циклах центрально-периферийные отношения с изолированными образованиями натянуты вплоть до разрыва. У Мерседес Лэки крепковеры принимают наличие остального государства и его представителей как неизбежное зло, подчиняясь введенным законам, хотя и не одобряя их. В цикле Ольги Громыко представители вампирских долин живут среди людей, но принимать к себе посторонних не желают. Одни долины более открыты, чем другие, но в целом вампиры скрытно проникают в человеческие миры и живут среди людей, а люди скрытно проникнуть на территории долин не могут. Аналогичная ситуация в цикле Труды Канаван, где представители изолированного поселения могут проникнуть на территорию Сачаки, а ее жители могут попасть в королевство Предателей только в том случае, если ищут убежище, пройдя при этом многочисленные проверки. Независимо от того какая из сторон не желает идти на диалог, граница во всех случаях охраняется со стороны изолированного меньшинства, в тоже время негативные стереотипы чаще распространены во внешнем мире (Громыко, Канаван) и реже создаются и поддерживаются внутри изолированного объединения (Лэки). В рассматриваемых циклах Ольги Громыко и Труды Канаван присутствует мотив недоверия жителей изолированных государств по отношению к остальным, но оба автора показывают такую ситуацию как обоснованное следствие издавна сложившихся противоречий.

При этом в центральных городах всех трех трилогий крайне мало известно о жизни внутри изолированных сообществ. В цикле Ольги Громыко архимаг и один из руководителей магической школы признается: «собственно говоря, мы не знаем о вампирах практически ничего» [2, с. 12]. Аналогичная ситуация в цикле Мерседес Лэки. В самом центре столичного университета герой признается: «дело в том, что мы попросту мало что знаем об этом народе. Они очень скрытны, общаются почти исключительно друг с другом и не приветствуют долгих визитов или любопытства со стороны чужаков» [8, с. 85].

Сачаканский дипломат не сообщает прямо в своем незнании, но сообщенная им информация стереотипна и совершенно не соответствует действительности: «они называют себя предателями. Они используют женщин-рабынь для шпионажа, убийств и похищений. Некоторые, в основном женщины, верят, что это общество, состоящее только из женщин, потому что они чаще всего забирают именно женщин, попавших в трудные обстоятельства. Я подозреваю, что эта ложь распространяется чтобы побудить жертв к сотрудничеству, а настоящая цель кражи женщин – продать их в рабство здесь или в какой-то другой стране» [15, р. 215]. Рабы оказываются более осведомлены. Когда посол гильдии спрашивает у рабыни знает ли она о предателях, та отвечает: «Да. Каждый раб знает» [15, р. 216]. И добавляет, что герою нет необходимости беспокоиться за жизнь спутника.

Граница и, соответственно, пограничье как форма мировоззренческого феномена может быть реализована в двух категориях: как оформленная и неоформленная. Оформленная граница это зона формально и фактически разделяющая определенные объекты, т.е. некая устоявшаяся линия, маркированная на картах, обозначенная на местности ограждениями и заставами. Ярким примером такого понимания является государственная граница. Фронтир – территория, разделяющая объекты только формально. При этом «Фронтир способствует развитию индивидуализма. Высокоразвитое общество в условиях дикой местности преобразуется в некую примитивную организацию, основанную на семье. Это антиобщественная тенденция. Она порождает глубокую неприязнь к контролю, особенно к любому прямому контролю» [11, с. 34]. Все описанные поселения расположены на Фронтире: государственная граница во всех трех описанных пространствах существует скорее формально, чем фактически. Напряженность между фантастическим изолированным сообществом и центром усиливается мифологической структурой Фронтира, что отчетливо прослеживается в книгах всех трех авторов.

Сходство в изображении пограничья позволяет говорить о существовании универсалии – образа пограничья, который тождественен для различных культур. Согласно определению П.С. Гуревича, культурные универсалии представляют собой «базовые значения, черты, способы миропостижения, которые обнаруживаются в отдельных культурах» [3, с. 588]. Идея об универсальном значении границы не нова, как отмечает Т.Б. Сиднева, «за последние десятилетия в филологии и культурологии граница, со всеми сопутствующими ей явлениями, утвердилась как одна из центральных методологически значимых категорий» [13, с. 42]. В данном случае материал позволяет выделить универсальные черты восприятия изолированных сообществ на пограничье, где ослабление центрально-периферийных отношений позволяет создать собственный самодостаточный центр, обитатели которого во всех трех трилогиях стремятся снизить контакты с внешним миром и центральной властью настолько, насколько это возможно. При этом тип центра и центральной власти не имеет значения: либеральный центр в книгах Мерседес Лэки, патриархально-тоталитарный в цикле Труды Канаван, нейтральный в трилогии Ольги Громыко.

Такая структура изолированных поселений характерна для Фронтiera. Тернер, рассуждая о значении Фронтiera в американской истории, описывает подобные сообщества, по мнению исследователя это этап, предшествующий последующей национальной консолидации, и финалы рассматриваемых циклов подтверждают это. В случае сообщества крепковеров происходит постепенная ассимиляция, детерминированная законами королевства. В трилогии Ольги Громыко брак правителя одной из долин и человека способствует расширению контактов. В цикле Труды Канаван герои совершают вооруженный переворот и устанавливают новый, более справедливый по их мнению порядок, на символическом уровне это подчеркивается самой природой – возрождением земель на месте возникшей после давней войны пустыни, хотя читателям становится известно о том, что этому возрождению в течение долгого времени препятствовали сами повстанцы.

Список литературы:

1. Валитова В.А. Репрезентация славянской мифологии в творчестве О. Громько // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 1. Вып. 1. С. 29-38.
2. Громько О.Н. Профессия: ведьма. М.: АРМАДА: Издательство Альфа-книга, 2003. 448 с.
3. Гуревич П.С. Универсалия культуры // Философский словарь. М.: Республика, 2001. С. 588.
4. Ермоленко О.В. «Индивидуально-авторское мифотворчество»: к определению понятия // Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей IV Международного симпозиума: в 2 т. Т. 1. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2020. С. 192-196.
5. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
6. Козьмина Е.Ю. Романы о "затерянных мирах": трансформация жанровой разновидности в авантюрно-философской фантастике XX века // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. № 5. С. 48-51.
7. Лекарева О.В. Структурно-семантические разновидности эвфемизмов в текстах юмористических космоопер и фэнтези // Проблемы преподавания филологических дисциплин в новых образовательных условиях. Материалы докладов и сообщений XXVI международной научно-методической конференции памяти Надежды Тихоновны Свидинской. СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2021. С. 42-47.
8. Лэки М. Стрелы королевы. СПб.: Северо-Запад, 1999. 432 с.
9. Лэки М. Полет стрелы. СПб.: Северо-Запад, 1999. 464 с.
10. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. 370 с.
11. Тёрнер Ф.Дж. Фронтир в американской истории. М.: Весь мир, 2009. 304 с.

12. Топоров В.Н. Функция границы и образ "соседа" в становлении этнического самосознания (русско-балтийская перспектива) // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т.4: Балтийские и славянские языки. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Кн. 1. С. 154-167.

13. Сиднева Т.Б. «Граница» и «опыт границы» в методологическом инструментарии музыковедения, филологии и культурологи // Термины, понятия и категории в музыковедении. Четвертый международный конгресс Общества теории музыки. Тезисы докладов / Под ред. Е.В. Порфирьева, В.В. Сепешвари. Казань: Казанская государственная консерватория имени Н.Г. Жиганова, 2019. С. 42-43.

14. Andrews S. The significance of the Frontier in Comanche Poetry // *Western American Literature*. Vol. 49. No 1. *Indigenous Wests: Literary and Visual Aesthetics*. 2014. P. 9-28.

15. Canavan T. *The Ambassador's Mission*. London: Orbit, 2010. 528 p.

16. Canavan T. *The Rogue*. London: Orbit, 2011. 592 p.

17. Hubbell J.B. The Frontier in American literature// *Southwest Review*. 1925. Vol. 10. No 2. P. 84-92.

18. Kokorski K. "It's magical!": Supernatural elements in children's literature and young adults' fiction // *Collision of realities: Establishing research on the fantastic in Europe*. Berlin-Boston: Walter de Gruyter, 2012. P. 205-218.

19. Szymański M. Twórczość Trudi Canavan. Analiza recepcji wśród czytelników Miejskiej Biblioteki Publicznej Łódź-Polesie// *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Liborum* 2016. No 1-2 (22-23). S. 65-79.

Сведения об авторе:

Ламм Мария Андреевна – независимый исследователь (Москва, Россия).

Data about the author:

Lamm Maria Andreevna – Independent Researcher (Moscow, Russia).

E-mail: Lamm.maria@yandex.ru.